

Григорий Бакланов

ИЮЛЬ 41 ГОДА

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б 19

Составление и статья Александры Попофф

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

В оформлении обложки использован фрагмент картины
Ю. П. Кугача «Летом 1941 года». 1960

© Г. Я. Бакланов (наследники), 2025

© А. Г. Попофф, состав, статья, 2025

© Оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2025

Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-27434-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

В статье «По праву памяти» Василь Быков вспоминал, как в конце 1950-х годов поразила его первая военная повесть Григория Бакланова «Южнее главного удара». В ней рассказывалось о нескольких днях тяжелых боев в районе венгерского города Секешфехервар. «Эта талантливо написанная повесть — концентрат суровой правды о войне, какой она навеки запечатлелась в сознании переживших ее фронтовиков...» Написанная достоверно и емко, без патетики, эта повесть повлияла на творчество Быкова: прочитав ее, он «понял, как надо писать о войне»¹.

Бакланов и Быков не раз встречались и переписывались, их многое связывало. Оказалось, что в начале 1945 года они воевали в Венгрии на одном фронте². Конец войны застал обоих в Австрии, в звании младших лейтенантов. В их поколении молодых людей, а Бакланову было 22 года, когда кончилась война, старших офицеров не было: они были солдатами и лейтенантами (отсюда — «лейтенантская проза»). «Сейчас забыто, — писал Бакланов, объясняя термин, придуманный критиками, — и новые поколения не представляют себе, что же такое в свое время, в конце 50-х — начале 60-х, была так называемая „лейтенантская проза“. Это был, в первую очередь, свой взгляд на войну, писали о том, что сами вынесли с полей сражений, правду делали достоянием всех. И книги эти трудно проходили, очень трудно»³.

Бакланову было 17 лет, когда в 1941 году он добровольцем ушел на фронт. Был рядовым артиллерийского полка, а с лета

¹ Быков В. По праву памяти // Правда. 1979. 16 июля. См. также: Быков В. Верность памяти. https://knihi.com/Vasil_Bykau/Publicistika-rus.html#chapter11.

² Бакланов Г. Жизнь, подаренная дважды // Бакланов Г. Собр. соч.: В 5 т. М.: Федеральная программа книгоиздания России, 2003. Т. 5. С. 111.

³ Бакланов Г. Не за счет других // Литературная газета. 1985. 12 июня.

1943 года, окончив 2-е Ленинградское артиллерийское училище, командовал взводом управления артиллерийской батареи. Дневников на фронте он не вел, да это и не разрешалось. Работая над первой военной повестью, он восстанавливал события по памяти: «Я заново видел войну, все те годы, и дни, и часы, и месяцы, а час бывал длинней многих жизней»¹. События и подробности в его военной прозе, как правило, не придуманы: обычно это рассказ о конкретном эпизоде на Северо-Западном и Юго-Западном фронте, в дальнейшем переименованном в Третий Украинский². «За четыре года войны столько увидено, что выдумывать не надо, надо только вспомнить и увидеть заново»³. В емкой и драматичной повести «Мертвые сраму не имут» (1961) описаны бои 1943 года на Украине, судьба почти безоружного артиллерийского дивизиона, которому выпало сражаться с немецкими танками. Бакланов писал о том, что сам видел и испытал, о буднях войны, а «не о парадной стороне жизни и не о тех, кому досталось водружать флаги»⁴.

Повесть «Пядь земли», опубликованная в мае 1959 года в журнале «Новый мир», определила его писательскую судьбу. После нескольких восторженных рецензий на нее обрушилась официальная критика: мишенью послужила именно достоверность в описании событий. Автора упрекали в принижении подвига, в «окопной правде». В смысл фразы, ставшей выражением официального мнения, никто не вдумывался⁵. «А ведь окопная — значит народная, — писал Бакланов, — потому что в окопах сидел народ... Благодаря грубым обвинениям повесть прославилась...»⁶ «Пядь земли» была переведена на многие языки и издавалась в 36 странах.

Описанное в ней начало Ясско-Кишиневской операции относится к весне и лету 1944 года, когда исход войны уже был предопределен. В июне союзники открыли второй фронт, а в августе Ру-

¹ Бакланов Г. Жизнь, подаренная дважды. С. 110.

² Бакланов Г. «Выполняя долг перед павшими». Беседа с Е. Хоревой // Советская культура. 1980. 9 мая.

³ Там же.

⁴ Бакланов Г. Жизнь, подаренная дважды. С. 111.

⁵ Там же. С. 409.

⁶ Бакланов Г. «Я говорю — выгребем». Беседа с В. Приходько // Московская правда. 1998. 10 сент.

мыния вышла из войны. Желание дожить до победы передано в повести сильно и ярко. Красоту мира, радость и полноту жизни герои ощущают порой за минуту до смерти. «Сколько суждено мне пройти вперед? — думает Мотовилов. — Шаг? Но этот шаг — вся моя жизнь»¹. Читатель расстается с лейтенантом Мотовиловым в Молдавии. Позади бои за маленький плацдарм, погибшие друзья. Впереди — новые фронтовые дороги. Конец повести символичен: Мотовилов смотрит на дорогу, на коленях у него сидит молдавский мальчик. «Далеко, у края степи, как снеговые горы, лежат облака, осиянные солнцем. Там встают новые дымы разрывов. Дорога уходит туда. Если суждено мне пройти ее до конца, я хочу, чтобы после войны был у меня сын»². Судьба Мотовилова читателю неизвестна: повесть заканчивается его надеждой выжить.

Работая над повестью «Пядь земли», Бакланов ощущал себя ровесником своих героев: «Все так живо было перед глазами, словно происходило вчера...»³ В повести «Навеки девятнадцатилетние», опубликованной двадцать лет спустя, в 1979 году, герои годились ему в сыновья. Он писал эту повесть «с отцовским чувством»⁴. Толчком для ее написания послужил случай на съемках кинофильма «Пядь земли». Снимали летом и осенью 1963 года в районе бывшего Заднестровского плацдарма. Когда рыли окопы на месте прежних, найдены были останки молодого воина. Потом нашли пряжку со звездой, какая была у советских офицеров. «Это был человек явно нашего поколения, — рассказывал Бакланов. — Очень молодой»⁵. Через четырнадцать лет это воспоминание связалось с мыслью о поколении молодых людей, большинство которых «осталось на войне навечно, на поле боя»⁶. Эти повести связаны между собой темой безымянного героя, точнее — мыслью о том, что «не было безымянных героев, а были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды...». Это слова Юлиуса Фучика, послужившие эпиграфом к «Пяди земли».

¹ Бакланов Г. Пядь земли // Бакланов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. С. 76.

² Там же. С. 142.

³ Бакланов Г. Жизнь, подаренная дважды. С. 206.

⁴ Там же.

⁵ Стенограмма беседы с А. Я. Ласкиной, 12 апреля 1979. Цитируется по машинописной копии из домашнего архива Бакланова.

⁶ Там же.

Мысль о том, что даже в самой кровопролитной войне потеря одной жизни невосполнима, выражена в «Пяди земли» во внутреннем монологе лейтенанта Мотовилова: он размышляет о логике войны, о статистических потерях и о сыновьях, которых невозможно заменить ни на земле, ни в сердце. Герои Бакланова становятся памятни и близки читателю; в рассказе об их коротких жизнях воплощена судьба поколения. Как писал критик Лев Оборин, повесть «„Навеки девятнадцатилетние“ завершается гибелью главного героя, чьими глазами и показана война, чьими мыслями и словами так много сказано...»¹. Проза Бакланова сохранила для нас ценности ушедшего поколения, характеры, незабываемые портреты и даже подлинные имена погибших. «Пусть даже не о нем рассказано, — говорил Бакланов, — но пусть его фамилия живет»².

В романе «Июль 41 года», который Бакланов считал одним из главных своих произведений, рассказано о трагедии первых месяцев войны. Этот роман был написан на основе документальных материалов, мемуаров, а также бесед автора с людьми, жившими в пограничных районах перед войной. В нем он одним из первых показал взаимосвязь между сталинскими репрессиями, обезглавившими армию, и неисчислимыми потерями в 1941 году. Цензура требовала вынуть из романа главы о репрессиях, но он не шел на компромисс³. Роман был опубликован в январе-феврале 1965 года, в самом конце хрущевской «оттепели», а потом не переиздавался 12 лет. Импульсом для его написания послужила судьба родного брата Бакланова, Юрия Фридмана, погибшего в октябре 1941 года в московском ополчении.

В 1982 году Бакланов рассказывал, как спустя десятилетия видится ему война: «Теперь, на отдалении лет, возникает несколько иной, более обобщенный взгляд на события, который и отражается в новых книгах»⁴. Если в военных повестях рассказано о юности фронтового поколения, в произведениях о мирном вре-

¹ Оборин Л. О Григории Бакланове // Знамя. 2010. № 5. <https://znamlit.ru/publication.php?id=4278>.

² Стенограмма беседы с А. Я. Ласкиной, 12 апреля 1979.

³ Бакланов Г. «Июль 1941 года, или Пятьдесят лет спустя». Беседа с М. Хемплин // Независимая газета. 1991. 1 авг.

⁴ Бакланов Г. «У памяти свои законы». Беседа с Т. Сергеевой // Московская правда. 1982. 16 апр.

мени, в том числе в романе «И тогда приходят мародеры» (1995), подведен итог его жизни. Основное действие разворачивается в 1990-х годах, когда героям за шестьдесят. Во вступлении к роману рассказывается, как Лесов, вернувшись в родной город, разбомбленный в войну, разыскивает могилы родителей. А разыскав их на кладбище, говорит: «Я вернулся». Эта сцена воссоздана по воспоминаниям автора. Многие автобиографические подробности использованы в рассказе о родителях Лесова, а погибшему на фронте брату героя автор дал имя своего старшего брата Юры, хотя описал гибель другого человека. Но так же, как Лесов, Бакланов узнал обстоятельства гибели своего брата через сорок лет после войны¹.

Название повести «Мой генерал», опубликованной в 1999 году, обманчиво. В этой короткой повести речь идет не о войне. В ней прослежена жизнь героев в разные эпохи — хрущевскую, брежневскую и ельцинскую. Уличная сцена в начале повести — смерть наркомана на улице в 90-е годы — особенно поражает, когда она повторена в конце, и читатель уже знает историю этого молодого парня. Как говорил Бакланов в одном из интервью, способность понимать боль другого — необходимое качество писателя².

Рассказы он писал всю жизнь. Самый известный его рассказ, «Был месяц май» (первоначальное название — «Почем фунт лиха»), написан о первых победных днях, когда автор и разведчики его дивизии стояли в небольшой австрийской деревне. По этому рассказу, совместно с режиссером Марленом Хуциевым, Бакланов написал сценарий к телефильму, ставшему популярным.

В послесловии к воспоминаниям «Жизнь, подаренная дважды» Бакланов писал: «Искусство, не уча, а только любя и сопереживая, закладывает в людях человеческое»³.

Герои его «невыдуманных» рассказов «Вот и кончилась война» и «Надя» — безрукий ветеран войны и одинокая молодая

¹ Бакланов Г. «После бомбежки красивое небо». Беседа с А. Ковалевой // Московский комсомолец. 1996. 3 июля.

² Бакланов Г. «Мужество быть человеком». Беседа с В. Липатовым // Комсомольская правда. 1982. 14 марта.

³ Бакланов Г. Жизнь, подаренная дважды. С. 408.

женщина. В рассказе «Надя» снова описан приезд автора после войны в родной город, разбомбленный Воронеж. Он испытывает чувство «смутной вины» перед бывшей одноклассницей — ведь «из всего класса, из всех наших ребят я один вернулся с фронта»¹. За кажущейся простотой этой фразы — судьба целого поколения, о котором Бакланов писал в своих книгах.

Александра Поповф, дочь писателя

¹ Бакланов Г. Надя // Бакланов Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. С. 216.

ПЯДЬ ЗЕМЛИ

Повесть

*Моей матери
Иде Григорьевне Кантор*

Придет день, когда настоящее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю. Я хотел бы, чтобы все знали, что не было безымянных героев, а были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и поэтому муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю. Пусть же эти люди будут всегда близки вам как друзья, как родные, как вы сами!

Юлиус Фучик

ГЛАВА I

Жизнь на плацдарме начинается ночью. Ночью мы вылезаем из щелей и блиндажей, потягиваемся, с хрустом разминаем суставы. Мы ходим по земле во весь рост, как до войны ходили по земле люди, как они будут ходить после войны. Мы ложимся на землю и дышим всей грудью. Роса уже пала, и ночной воздух пахнет влажными травами. Наверное, только на войне так по-мирному пахнут травы.

Над нами черное небо и крупные южные звезды. Когда я воевал на севере, звезды там были синеватые, мелкие, а здесь они все яркие, словно отсюда ближе до звезд. Дует ветер, и звезды мигают, свет их дрожит. А может быть, правда есть жизнь на какой-то из этих звезд?

Луна еще не всходила. Она теперь всходит поздно, на фланге у немцев, и тогда у нас все освещается: и росный луг, и лес над Днестром, тихий и дымчатый в лунном свете. Но скат высоты, на которой сидят немцы, долго еще в тени. Луна осветит его перед утром.

Вот в этот промежуток до восхода луны к нам из-за Днестра каждую ночь переправляются разведчики. Они привозят в глиняных корчажках горячую баранину и во флягах — холодное, темное, как чернила, молдавское вино. Хлеб, чаще ячменный, синеватый, удивительно вкусный в первый день. На вторые сутки он черствеет и сыплется. Но иногда привозят кукурузный. Янтарно-желтые кирпичики его так и остаются лежать на брустверах окопов. И уже кто-то пустил шутку:

— Выбьют нас немцы отсюда, скажут: вот русские хорошо живут — чем лошадей кормят!..

Мы едим баранину, запиваем ледяным вином, от которого ломит зубы, и в первый момент не можем отдышаться: небо, горло,

язык — все жжет огнем. Это готовил Парцвания. Он готовит с душой, а душа у него горячая. Она не признает кушаний без перца. Убеждать его бессмысленно. Он только укоризненно смотрит своими добрыми, масляными и черными, как у грека, круглыми глазами: «Ай, товарищ лейтенант! Помидор, молодой барашек — как можно без перца? Барашек любит перец».

Пока мы едим, Парцвания сидит тут же на земле, по-восточному поджав под себя полные ноги. Он острижен под машинку. Сквозь отросший ежик волос на его круглой загорелой голове блестят бисеринки пота. И весь он небольшой, приятно полный — почти немислимый случай на фронте. Даже в мирное время считалось: кто пришел в армию худой — поправится, пришел полный — похудеет. Но Парцвания не похудел и на фронте. Бойцы зовут его «батано Парцвания»: мало кто знает, что в переводе с грузинского «батано» означает господин.

До войны Парцвания был директором универсама где-то в Сухуми, Поти или Зугдиди. Сейчас он связист, самый старательный. Когда прокладывает связь, взваливает на себя по три катушки сразу и только потеет под ними и таращит свои круглые глаза. Но на дежурстве спит. Засыпает он незаметно для самого себя, потом всхрапывает, вздрогнув, просыпается. Испуганно оглядывается вокруг мутным взглядом, но не успел еще другой связист папироску свернуть, как Парцвания опять уже спит.

Мы едим баранину и хвалим. Парцвания приятно смущается, прямо тает от наших похвал. Не похвалить нельзя: обидишь. Так же приятно смущается он, когда говорит о женщинах. Из его деликатных рассказов, в общем, можно понять, что у них в Зугдиди женщины не признавали за его женой монопольного права на Парцванию.

Что-то долго сегодня нет ни Парцвании, ни разведчиков. Мы лежим на земле и смотрим на звезды: Саенко, Васин и я. У Васина от солнца и волосы, и брови, и ресницы выгорели, как у деревенского парнишки. Саенко зовет его Детка и держится покровительственно. Он самый ленивый из всех моих разведчиков. У него круглое лицо, толстые губы, толстые икры ног.

Сейчас он рядом со мной лениво потягивается на земле всем своим большим телом. Я смотрю на звезды. Интересно, понимал ли я до войны, какое удовольствие вот так бездумно лежать и смотреть на звезды?

У немцев ударил миномет. Слышно, как над нами в темноте проходит мина. Разрыв в стороне берега. Мы как раз между батареей и берегом. Если прочертить мысленно траекторию, мы окажемся под ее высшей точкой. Удивительно хорошо потягиваться после целого дня сидения в окопе. Каждый мускул ноет сладко.

Саенко поднимает руку над глазами, смотрит на часы. Они у него большие, со множеством зеленых светящихся стрелок и цифр, так что мне со стороны можно разглядеть время.

— Долго не идут, черти, — говорит он своим тягучим голосом. — Жрать охота, аж тошнит! — И Саенко сплевывает в пыльную траву.

Скоро взойдет луна: у немцев уже заметно светлеет за гребнем. А миномет все бьет, и мины ложатся по дороге, по которой должны сейчас идти к нам разведчики и Парцвания. Мысленно я вижу ее всю. Она начинается у берега, в том месте, где мы с лодок впервые высадились на этот плацдарм. И начинается она могилой лейтенанта Гривы. Помню, как он, охрипший от крика, с ручным пулеметом в руках, бежал вверх по откосу, увязая сапогами в осыпавшемся песке. На самом верху, под сосной, где его убило миной, теперь могила. Отсюда песчаная дорога сворачивает в лес, а там — безопасный участок. Дорога петляет среди воронок, но это не прицельный огонь, немец бьет вслепую, по площади, даже днем не видя своих разрывов.

В одном месте на земле лежит неразорвавшийся реактивный снаряд нашего «андрюши», длинный, в рост человека, с огромной круглой головой. Он упал здесь, когда мы были еще за Днестром, и теперь уже начал ржаветь и зарастать травой, но всякий раз, когда идешь мимо него, становится жутковато и весело.

В лесу обычно перекуривают, прежде чем идти дальше, последние шестьсот метров по открытому месту. Наверное, сидят сейчас разведчики и курят, а Парцвания торопит их. Он боится, что остынет баранина в глиняных корчажках, и потому укутывает корчажки одеялами, обвязывает веревками. Собственно, он мог бы не ходить сюда, но он не доверяет никому из разведчиков и сам каждый раз конвоирует баранину. К тому же он должен видеть, как ее будут есть.

Луна одним краем показалась уже из-за гребня. В лесу сейчас черные тени деревьев и полосами дымный лунный свет. Капли росы зажигаются в нем, и пахнет повлажневшими лесными цве-

тами и туманом; он скоро начнет подниматься из кустов. Хорошо сейчас идти по лесу, пересекая тени и полосы лунного света...

Саенко приподнимается на локте. Какие-то трое идут в нашу сторону. Может быть, разведчики? До них метров сто, но мы не окликаем их: на плацдарме, ночью, никого не окликают издали. Трое доходят до поворота дороги, и сейчас же рассыпавшаяся стайка красных пуль низко-низко проносится над их головами. С земли нам это хорошо видно.

Саенко опять ложится на спину.

— Пехота...

Позавчера это самое место днем, на «виллисе», пытался проскочить пехотный шофер. Под обстрелом он резко крутанул на повороте дороги и вывалил полковника. Пехотинцы кинулись к нему, немцы ударили из минометов, наша дивизионная артиллерия отвечала, и полчаса длился обстрел, так что под конец все перемешалось, и за Днестром прошел слух, что немцы наступают. Вытащить «виллис» днем, конечно, не удалось, и до ночи немцы тренировались по нему из пулеметов, как по мишени, всаживая очередь за очередью, пока не подожгли наконец. Мы после гадали: пошлют шофера в штрафную роту или не пошлют?

Луна поднимается еще выше, вот-вот оторвется от гребня, а разведчиков все нет. Непонятно. Наконец появляется Панченко, ординарец мой. Издали вижу, что он идет один и в руке несет что-то странное. Подходит ближе. Унылое лицо, в правой руке на веревке — горлышко глиняной корчажки.

Панченко угрюмо стоит перед нами, а мы сидим на земле, все трое, и молчим. Становится вдруг так обидно, что я даже не говорю ничего, а только смотрю на Панченко, на этот черепок у него в руках — единственное, что уцелело от корчажки. Разведчики тоже молчат.

Мы целый день прожили всухомятку, и до следующей ночи нам уже никто ничего не принесет: мы едим по-настоящему раз в сутки. А завтра опять целый день обстрел, слепящее солнце в стекла стереотрубы, жара, и кури, кури в своей щели до одурения, разгоняя дым рукой, потому что на плацдарме немец и по дыму бьет.

— Какой дурак придумал носить мясо в корчажках? — спрашиваю я.

Панченко смотрит на меня укоризненно:

— Парцвания велел, чего ж вы ругаетесь? Он говорил, в глиняной посуде не так остывает. Еще одеялами укутывал...

— А где он сам?

— Убило Парцванию...

Панченко кладет перед нами круглый ячменный хлеб, отцепляет от пояса фляжки с вином, сам садится в стороне, один, пожевывая травинку.

Оттого что мы день прожили всухомятку, вино сразу мягко туманит голову. Мы жуем хлеб и думаем о Парцвании. Его убило, когда он нес нам свои корчажки, завязанные в одеяла, чтоб — не дай бог! — в них не остыло за дорогу. Обычно он сидел вот здесь, по-восточному поджав полные ноги, и, пока мы ели, смотрел на нас своими добрыми, масляными и черными, как у грека, круглыми глазами, то и дело вытирая сильно потевшую после ходьбы загорелую голову. Он ждал, когда мы начнем хвалить.

— Тебя не ранило? — спрашиваю я Панченко.

Тот обрадованно пододвигается к нам.

— Вот! — показывает он штанину, у кармана навывлет пробитую осколком, и для убедительности продевает сквозь две дыры палец. И вдруг, спохватившись, поспешно достает из кармана завернутый в тряпочку желтый листовой табак. — Чуть было не забыл совсем.

Мы крошим в ладонях сухие, невесомые листья, стараясь не просыпать табак. Вдруг я замечаю у себя на ладони кровь и прилипшую к ней табачную пыль. Откуда она? Я не ранен, я только резал хлеб. На нижней корке хлеба тоже кровь. Все смотрят на нее. Это кровь Парцвании.

— Где вас накрыло? — спрашивает Саенко. Вместе со словами табачный дым идет у него изо рта: он всегда глубоко затягивается.

— В лесу. Как раз где снаряд «андрюши» лежит. Вот так мы шли, вот так он лежит. — Панченко чертит все это на земле. — Вот здесь мина упала. А Парцвания как раз с той стороны шел.

Это та самая минометная батарея, которую мы никак не можем засечь.

Ночью мы лежим с Васиным в одной щели. Саенко я отправил вместе с Панченко. Надо донести Парцванию до лодки, надо переправить его на ту сторону.

Щель узкая, но внизу, у самого дна, мы подрыли ее с боков, так что вполне можно спать вдвоем. Ночи все же холодные, а вдвоем

даже под плащ-палаткой тепло. Трудно только переворачиваться на другой бок. Пока один переворачивается, второй стоит на четвереньках. Но больше подрыть нельзя, иначе снарядом может обрушить щель.

Через равные промежутки бьет тяжелая немецкая батарея, наши отвечают из-за Днестра через нас. Почему-то под землей разрывы всегда кажутся близкими. Это так называемый тревожащий огонь, всю ночь, до утра. Интересно, до войны люди страдали бессонницей, жаловались: «Целую ночь не мог уснуть: у нас под полом скребется мышь». А сверчок, так тот был целым бедствием. Мы каждую ночь спим под артиллерийским обстрелом и просыпаемся от внезапной тишины.

Я лежу сейчас и думаю о Парцвании, о хлебе, на котором осталась его кровь. Перед самой войной, когда я учился в десятом классе, был у нас вечер и нам бесплатно раздавали булочки с колбасой. Они были свежие, круглые, разрезанные наискось через верхнюю корку, и туда вставлено по толстому розовому куску любительской колбасы. Пока нам их раздавали, директор школы стоял рядом с буфетчицей, гордый: это была его инициатива.

Мы съели колбасу, а булочки после валялись во всех углах, за урнами, под лестницей.

Васин спит, посапывая. Мне хочется закурить, но табак у меня в правом кармане, а мы лежим на правом боку. Каждый раз, когда всплывает немецкая ракета, я вижу заросшую шею Васина и маленькое покрасневшее во сне ухо. Странно, у меня к нему почему-то почти отцовское чувство.

ГЛАВА II

Жарко. Против солнца все как в дыму. Горячий воздух дрожит над ближними высотами, они пустынные, будто вымершие. Там — немецкий передний край.

Пехотинцы отсыпаются за ночь, скорчившись на дне окопов, сунув руки в рукава шинелей. Каждую ночь они, как кроты, роют ходы сообщения, соединяют окопы в траншеи, а когда будет построена прочная оборона, все придется бросать и переходить на новое место. Это уже проверено.

Немцы тоже спят. Только наблюдатели с обеих сторон высматривают, где шевелится живое. Редко простучит пулемет — сухие

вспышки его почти не видны против солнца, — и опять тишина. Дым разрыва подолгу плывет над передовой в знойном воздухе.

Позади нас за лесом — Днестр, весь залитый солнцем. Хорошо бы сейчас искупаться в Днестре. Но на войне другой раз сидишь у воды и не то что искупаться — напиться до ночи не можешь. На белых песчаных отмелях Днестра не найдешь сейчас следа босой пятки. Только следы сапог, следы колес, уходящие в воду, и воронки разрывов. А выше по берегу, среди виноградников, наливающихся теплым соком, греются на припеке молдавские хутора, днем безлюдные. Над ними зной и тишина. Все это позади нас.

Я смотрю на пологие высоты в стереотрубу, смотрю каждый день до тошноты. Эх, как они нужны нам! Если бы мы их взяли, здесь сразу переменялась бы вся жизнь.

Васин тем временем готовит завтрак. Врезал ножом банку свиной тушенки, поставил на бруствер, лезвие вытирает о штаны. Мы едим ее ложками, намазывая на хлеб. Едим не спеша: впереди целый день, а банка последняя. И оставлять мы тоже не любим.

Где-то близко слышны голоса. Я поворачиваю стереотрубу. Два пехотинца идут по полю с винтовками за плечами и разговаривают. Вот так просто идут себе и разговаривают, как будто ни немцев, ни войны на свете. Конечно, недавно мобилизованные, из-за Днестра. У этих удивительная особенность: где никакой опасности — перебегают, прячутся; от каждого снаряда, летящего мимо, падают на землю — вот она, смерть! А где все живое носа не высунет — ходят в полный рост. Я однажды видел, как вот такой, только что присланный на фронт солдат, смелый по глупости, шел по минному полю в тылу у нас и рвал ромашки. Опытный, повоевавший пехотинец с умом не пройдет там, а этот ставил ногу, не выбирая места, и ни одна мина не взорвалась под ним. Метра два оставалось до края минного поля, когда ему крикнули. И он, поняв, где находится, больше уже шагу ступить не смог. Пришлось его оттуда снимать.

— Мало их, дураков, учит! — злится Васин.

Мы оба, бросив есть, следим за пехотинцами. Кто-то крикнул им из своего окопа. Они вовсе стали на открытом месте, на жаре, оглядываются: не поймут, откуда был голос. И немец почему-то не стреляет. От нас до них — метров тридцать; пройдут еще немного, и утренние длинные тени обоих головами достанут до нашего бруствера. Так и не поняв, кто звал их, пошли.

— Эй, кумовья, бегом! — не выдержал Васин.

Опять стали. Обе головы повернулись на голос в нашу сторону. Изменив направление, идут теперь к нам. Васин даже высунулся:

— Бегом, мать вашу!..

Я едва успеваю сдернуть его за ремень. Грохот! Сверху на нас рушится земля. Зажмурившись, сидим на дне окопа. Разрыв! Сжались. Еще разрыв! Над нами пронесит дым. Живы, кажется!.. В первый момент мы не можем отдышаться, только глядим друг на друга и улыбаемся, как мальчишки: живы!

— Вот сволочь! — говорю я.

Васин грязным платком вытирает лицо, оно у него все в земле. Смотрит мне на колено, глаза становятся испуганными. Смотрит на мой сапог, на землю и поднимает перевернутую банку тушенки. Там все перемешалось с песком. На колене у меня тает белый жир, по пыльному голенищу сапога ползет вниз кусок мяса, оставляя сальный след. Берегли... Ели не спеша...

— Таких убивать надо! — Васин зло швырнул банку. — Воевать не умеют, только других демаскируют.

И тут мы слышим стон. Жалкий такой, будто не взрослый человек стонет, а ребенок. Мы высовываемся осторожно. Один пехотинец лежит неподвижно, ничком, на неловко подогнутой руке, плечом зарывшись в землю. До пояса он весь целый, а ниже — черное и кровь, и ботинки с обмотками. На белом расщепленном прикладе винтовки тоже кровь. И тень от него на земле короткая, вся рядом с ним.

Другой пехотинец шевелится, ползет. Это он стонет. Мы кричим ему, но он ползет в другую сторону.

— Пропадет, дурак, — быстро говорит Васин и зачем-то начинает снимать сапоги, надавливая носком на задник. Босиком, скинув ремень, приготовился ползти за раненым.

Но из другого окопа высовывается рука и втягивает раненого под землю. Оттуда стоны слышны глуше. Винтовка его так и остается на поле.

И опять тишина и зной. Растаял дым разрывов. Жирное пятно у меня на колене стало огромным и грязным. Я глянул на убитого в стереотрубу. Свежая кровь блестит на солнце, и на нее уже липнут мухи, роятся над ним. Здесь, на плацдарме, великое множество мух.

Бакланов Г.

Б 19 Июль 41 года : Романы, повести, рассказы / Григорий Бакланов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 864 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-27434-1

Григорий Бакланов — советский писатель, сценарист и публицист, фронтовик, один из ярких представителей «лейтенантской прозы», среди которых Виктор Астафьев, Юрий Бондарев, Василь Быков, Борис Васильев, Виктор Некрасов... В 1941 году, когда Бакланову было 17 лет, он добровольцем ушел на фронт, участвовал в боях на Украине, в Молдавии, Румынии и Венгрии; конец войны застал его в Австрии, в звании младшего лейтенанта. Достоверные эпизоды войны, отраженные в произведениях Бакланова, часто шли вразрез с парадной историей, но несли правду, которую автор хотел рассказать о том, что видел и пережил. «Новые поколения не представляют себе, что же такое в свое время, в конце 50-х — начале 60-х, была так называемая „лейтенантская проза“, — вспоминал Бакланов. — Это был, в первую очередь, свой взгляд на войну, писали о том, что сами вынесли с полей сражений, правду делали достоянием всех». В настоящее издание вошли самые известные произведения Григория Бакланова, написанные в разные годы, включая ранние военные повести «Южнее главного удара» и «Пядь земли», роман «Июль 41 года», рассказы «Был месяц май», «Вот и кончилась война» и «Надя».

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ГРИГОРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ БАКЛАНОВ

ИЮЛЬ 41 ГОДА

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ульяна Смирнова, Юлия Теплова,
Анна Быстрова, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 23.12.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 52,92. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-36442-01-R